

Рут Кинна
Никакой власти
Теория и практика
анархизма

Рут Кинна

**Никакой власти. Теория
и практика анархизма**

«Альпина Диджитал»

2019

УДК 140
ББК 87.3(0)-677

Кинна Р.

Никакой власти. Теория и практика анархизма / Р. Кинна —
«Альпина Диджитал», 2019

ISBN 978-5-00-139601-7

Академическое исследование по истории и теории одного из самых противоречивых политических движений. Большинство СМИ традиционно очерняют анархизм, связывая его с хаосом и беспорядками, или попросту игнорируют как явление. Однако это философское и политическое движение – от Occupy Wall Street до Pussy Riot, от Ноама Хомского до Дэвида Грэбера – актуально сегодня как никогда. Вопреки расхожему мнению, разнообразные течения анархизма имеют четкую самоидентификацию, а вместе их объединяет стремление к свободе и коллективному благу без вмешательства государства. Профессор политической философии Рут Кинна создает объемную картину бурной истории анархизма. Начиная с таких ключевых событий, как Парижская коммуна и Хеймаркетский бунт, она подробно знакомит читателя с основными анархистскими группами, мыслителями и активистами движения, показывая их теоретические выкладки и разнообразие методов борьбы.

УДК 140
ББК 87.3(0)-677

ISBN 978-5-00-139601-7

© Кинна Р., 2019
© Альпина Диджитал, 2019

Содержание

Благодарности	7
Введение	8
Мировоззрение анархиста	9
Глава 1	13
Анархизм и интернационал	15
Парижская коммуна и Хеймаркетское дело	19
Критика анархистами государства	22
Анархический социализм	26
Откровенный страх буржуазии: анархист – это террорист	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Рут Кинна

Никакой власти. Теория и практика анархизма

Переводчик *Ольга Корчевская*

Научный редактор *Петр Рябов, канд. филос. наук*

Редактор *Михаил Белоголовский*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Казакова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *Н. Витько, О. Петрова*

Компьютерная верстка *Б. Руссо*

Художественное оформление, макет *Ю. Буга*

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London

© Ruth Kinna 2019

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Благодарности

В создании этой книги принимали участие разные люди: одни комментировали черновики, другие помогали находить информацию, третьи приводили примеры анархистской практики. Прежде всего выражаю благодарность Касиане Ионите за внимательное прочтение и отличный совет по представлению аргументации, Роберту Найту за его комментарии к черновику и предложения по доработке текста и Клэр Пелигри за строгий и конструктивный подход к редактированию. Питер Райли поделился своими знаниями о Генри Сеймуре. Также отдельное спасибо независимому исследователю и художнику Дэниелу Хакфильду за кропотливую проработку вопроса о жизни Сеймура. Наташа Кинг помогала мне размышлять о власти и привилегиях, а Марина Максимова, Роберт Грэм и Эндрю Корнелл – искать сведения о малоизвестных активистах.

Введение

Анархизм: мифы и реальность

В 1999 году в Сиэтле активисты феерически сорвали саммит Всемирной торговой организации. Это событие положило начало альтерглобализации, или кампании за глобальную справедливость, – антикапиталистическому «движению движений», которое часто называют анархистским. В том же году создатели фильма «И целого мира мало» столкнули лбами Джеймса Бонда и Виктора Зокаса по прозвищу Ренард – бывшего офицера Советской армии и агента КГБ, жестокого даже по меркам экранных антагонистов Бонда. В фильме сообщалось, что он анархист, а в прошлом, еще до того, как альтерглобалистское движение оказалось в центре внимания СМИ, совершал убийства для некой организации антикапиталистов.

С одной стороны, факты от вымысла отличить легко. Ренард – плод воображения сценаристов и режиссеров, а срыв саммита ВТО в Сиэтле – документально зафиксированное событие. С другой стороны, такое навешивание анархистского ярлыка и на убийцу, и на протестное движение дезориентирует: вымысел начинает сливаться с реальностью. Зритель, скорее всего, усомнится в том, что Ренард действительно живет с пулей, застрявшей в его головном мозге, однако связь между эмоциональной неустойчивостью, возникшей вследствие этой травмы, и исповеданием анархизма кажется вполне естественной. Более того, его безжалостность и бескомпромиссность только укрепляют глубоко укоренившееся в обществе мнение об анархизме, которое заметно влияет и на оценку активистских движений. Общеизвестно, что анархизм альтерглобалистов не дал поводов для обвинений его в садизме, агрессивности или мстительности, однако ведущие политики того времени акцентировали внимание на том, что он притягивает опасные сборища «вандалов и клоунов». Движение отвергалось по двум мотивам: как нестабильное и как несерьезное. Когда же участники уличных протестов начали устраивать погромы, как в 2001 году в Гётеборге, у властей появилась причина мобилизоваться против «анархистов». И до и после этих событий волшебное слово на букву «а» срабатывало как триггер для агрессивных действий полиции. Не стало исключением и движение за глобальную справедливость. Протестующие, собравшиеся в 2001 году в Генуе во время саммита стран «Большой восьмерки», в полной мере испытали на себе жестокость полицейского произвола.

Культурные стереотипы, на которых выстроен образ Ренарда, не только искажают реальную картину, но и блокируют саму возможность раскрытия сути анархизма. Они пытаются обесценить воодушевляющую историю критической мысли и сопротивления, оправдывают дискриминацию и репрессии, причем даже в тех случаях, когда факты неравенства и несправедливости предельно очевидны и признаны обществом. Быть анархистом означает бросать вызов существующей системе, претворять в жизнь эгалитарные принципы равных возможностей и поощрять модели поведения, основанные на сотрудничестве и отказе от доминирования одних людей над другими. Анархистская деятельность может принимать разнообразные формы, многие из которых легко вписываются в повседневную жизнь. Как мы увидим далее, образ Ренарда не имеет ничего общего с движущими мотивациями, пафосом и ценностными устремлениями анархистов по умолчанию.

Мировоззрение анархиста

В 1919 году скульптор и гравер Эрик Гилл в журнале *Burlington Magazine* выступил против предложений сэра Фредерика Кеньона, внесенных им в Имперскую комиссию по военным захоронениям. Комиссия была создана в мае 1917 года с целью сбора информации о местах захоронения солдат и составления списков погибших, местонахождение могил которых не было установлено. В конце войны проектировать воинские кладбища пригласили троих выдающихся архитекторов: сэра Эдвина Лаченса, сэра Герберта Бейкера и сэра Реджинальда Бломфельда. Кеньону, директору Британского музея, было поручено согласование архитектурных планов. В своем докладе, датированном ноябрем 1918 года, он призвал комиссию руководствоваться принципом равенства. Как выразился Кеньон, «что будет сделано для одного, должно быть сделано для всех, и отношение, независимо от воинского звания или социального положения, нужно сохранить равное ко всем». На практике же соблюдение принципа равенства выглядело как ответственность за проектирование памятников и планировку кладбищ, возложенная на плечи комиссии. Официальная позиция заключалась в том, что подобные вопросы «нельзя оставлять на усмотрение частных лиц», поскольку «удовлетворительные» результаты при таком подходе возможны лишь там, где «не нужны деньги и хороший вкус». С точки зрения комиссии, для большинства могил существовал риск, что «памятника не будет вовсе или же он будет ненадлежащего качества». В итоге мемориалы станут похожи на английские погосты со множеством «беспорядочных» надгробий. Такая картина не вызовет «ни гордости, ни воодушевления», и «чувство боевого братства и общего служения будет потеряно»¹.

Связав равенство с единообразием, Кеньон рекомендовал на каждом памятнике указывать фамилию, звание, полк и дату смерти солдата. Семья при этом могла выбрать только стандартную эпитафию из ограниченного списка, что позволяло избежать «многословности, сентиментального стихотворчества и замысловатых высказываний», противоречащих самой идее воинского кладбища, которое должно оставлять впечатление «батальона на параде» и сохранять «дух дисциплины и порядка, на котором зиждется армия»². Самая большая уступка Кеньона «различиям в единообразии» заключалась в том, чтобы снабдить надгробия символикой того или иного полка.

Гилл возражал против всей концепции Кеньона и указывал на коррупцию как причину таких представлений о равенстве, поскольку архитектурное единство подразумевало процессы массового производства. Комиссия по военным захоронениям поступила верно, обратившись за советом к архитекторам, но ей ни в коем случае не следовало отдавать им *ведущую роль*. «Проектирование памятников должно осуществляться исключительно теми, кто их *создает*», то есть самими скульпторами и производителями надгробий. Гилл работал с камнем и, конечно, был заинтересован в заключении выгодных контрактов с комиссией, однако его аргументация касалась исключительно социальных отношений, поддерживаемых ремесленным трудом. Если бы комиссия поручила скульпторам гравировку надгробий, она бы куда полнее реализовала заявленные Кеньоном эгалитарные цели и смогла бы по-настоящему учесть «настроение всей нации, как бедных ее представителей, так и богатых». Претензии Гилла были из области понятий «власть» и «собственность»:

«Отношение комиссии к этому вопросу тем более не вызывает удивления, что для нашего времени стала характерной тенденция навязывать идеи небольшой группы людей большинству, притом старательно маскируя

---

¹ Sir Frederic Kenyon, *War Graves: How the Cemeteries Abroad Will Be Designed*, Report to the Imperial War Graves Commission (London: HMSO, 1918), с. 7.

² Kenyon, *War Graves*, с. 8.

этот процесс приверженностью демократическим ценностям и социальным реформам. Посему идея о том, что полмиллиона надгробий должны быть изготовлены в соответствии с представлениями нескольких архитекторов (идея, достойная разве что пруссаков или Птолемея на пике своей мысли), а не тысяч каменотесов и двадцати миллионов родственников погибших, кажется вполне нормальной. Между тем увековечение "чувства боевого братства и общего служения", "духа дисциплины и порядка" – это всего лишь попытка обойти простое и естественное желание родственников самим решать, как будет выглядеть памятник покойному члену их семьи»³.

Призывы Кеньона к равенству Гилл считал неискренними. Его предложения, сводившиеся к единообразию, были продиктованы экономическими мотивами и стремлением подчинять. Задуманный им образ кладбища, вызывающий ассоциации с батальоном на параде, вызывал оцепенение и уж точно никого не вдохновлял. Это утверждение Гилл проиллюстрировал следующим образом: «Толпа, заполнившая Трафальгарскую площадь, – зрелище впечатляющее. Однако если вместо людей вы расставите портновские манекены, то результат, каким бы безупречным он ни был с архитектурной точки зрения, уже не будет столь впечатляющим»⁴. Если Имперская комиссия по военным захоронениям всерьез намеревалась проявить уважение к погибшим, то следовало бы увековечить память о них как об отцах, братьях, возлюбленных и сыновьях, а не как о винтиках кроватки военной машины. В сухом остатке любой войны – потеря семьями близких. Более того, Гилл задавался вопросом о законности предложений Кеньона: являются ли тела солдат, а также земля, на которой они похоронены, «безусловной собственностью правительства»⁵? В конце он приходит к бесспорному выводу, что солдат сначала попросили отдать свою жизнь во имя великого блага страны, а теперь заставляют жертвовать и своей смертью.

Возражения Гилла были проигнорированы, но своим протестом он в значительной, если не в полной мере выразил анархистские настроения, описав простыми словами движущую силу, систему ценностей, перспективы и сам дух анархизма.

Движущая сила анархизма – отдельно взятый человек, индивидуум. Гилл продемонстрировал это предложением отдать решение вопроса об увековечении памяти павших скульпторам и семьям погибших. Он верил, что в целом жизнь становится богаче, когда люди действуют в соответствии с собственными суждениями, и, наоборот, оскудевает, если решения принимаются сторонними лицами, независимо от их опыта и добродетельности. В своем письме он подчеркивал, что комиссия не имела «права диктовать родственникам, что должно и чего не должно быть начертано на камне» и как именно следует хранить память об умерших. Да, у нее были полномочия, но «не было *права*... поработать интеллектуально, морально, эстетически или физически даже одного человека, а уж тем более такое большое число людей»⁶. Учитывая, что собственные суждения человека подразумевают ответственность, Гилл признавал, что люди могут ошибаться. Но от этого не застрахованы и правительства, тогда как последствия их ошибок обходятся, как правило, куда дороже.

Специфика и своеобразие системы ценностей анархистов – в сотрудничестве и солидарности. Этот аспект анархизма Гилл выразил своим призывом к Имперской комиссии нанимать «мелких ремесленников и небольшие фирмы», а также неприязнью к «коммерческому успеху организованного производства». В своей автобиографии он высказал субъективное мнение,

---

³ Eric Gill to the Burlington Magazine, апрель 1919, in Walter Shewring (ed.), Letters of Eric Gill (London: Jonathan Cape, 1947), p. 129.

⁴ Gill to the Burlington Magazine, с. 131.

⁵ Gill to the Burlington Magazine, с. 129.

⁶ Gill to the Burlington Magazine, с. 130.

что «деловые люди правят нами и навязывают миру свою сомнительную точку зрения», а это само по себе «несравнимо ужаснее», чем если бы «все человечество погрязло в разврате и пьянстве»⁷. Интересы «деловых людей» ограничиваются накоплением денег, и это «отвратительно»; интересы же мелких производителей лежат в другой области. Как члены общин, они не только с меньшей вероятностью станут эксплуатировать тех, кто потерял близких, но и обладают уникальными возможностями для выражения своих чувств. За этой критикой стояла простая мысль о том, что в основе социального взаимодействия должны лежать общение и дружба, в то время как эксплуатацию и извлечение выгоды необходимо сводить к минимуму.

Перспективы анархизма обширны. На первый взгляд, протест Гилла затрагивал технические вопросы производства надгробий и их гравировки, однако в центре его внимания оказались идеологические предубеждения, выраженные в предложениях Кеньона, и готовность правительства реализовывать собственные планы за счет граждан, к которым оно якобы проявляет уважение. Письмо Гилла – это письмо художника, который верил, что каждый может творить и этим менять мир. Поэтому он не касался таких абстракций, как капитализм и формы организации труда, а продемонстрировал наглядный обезличивающий эффект массового производства. Не осуждая напрямую милитаризм, Гилл показал, что дисциплина, подчинение и другие его ценности незаметно внедряются в общественное сознание, в том числе проектами военных кладбищ. Более абстрактные явления – право гражданина не быть поработанным и свободу самоопределения – он рассмотрел через призму скорби, утраты близкого человека и сохранения памяти о нем. Вместо того чтобы критиковать национализм в философском поле, он выступил против смещения Кеньоном понятий смерти и концепции патриотического долга, доступно объяснив ее уничижающий характер. Во многом опираясь на собственный опыт, Гилл показал, как принятые на высоком уровне решения сказываются в повседневной жизни и как сложные и на первый взгляд неразрешимые проблемы, с которыми сталкиваются простые люди, могут быть преодолены, если будет найден корень этих проблем. В этом тоже проявился его типично анархистский подход.

Цель этой книги – познакомить с теорией и дать представление о практике анархизма. Первая глава открывается событиями, которые произошли спустя 30 лет после того, как Пьер-Жозеф Прудон опубликовал брошюру «Что такое собственность?», представлявшую собой первую конструктивную аргументацию анархии. За отправную точку я беру изложенную анархистами в конце XIX века критику порабощения государством. Рассказывая о развитии анархизма, вместо хронологического принципа я использую тематический подход. Моя цель – показать, что появление анархизма в XIX веке привело не только к созданию нового мировоззрения и общественного идеала, с соответствующими коллективными и индивидуальными практиками, которые выходят далеко за исторические и географические рамки, предполагаемые этой системой ценностей. Вторая глава посвящена анархической критике власти, а в последующих главах рассматриваются практики, планы и перспективы анархизма. Каждая из глав насыщена историческими примерами, но для того, чтобы нить повествования была более связной, их фокус постепенно смещается с XIX на XXI век.

Мой подход скорее импрессионистский, чем идеологический, в том смысле, что я не пытаюсь классифицировать группы концепций, существующих в рамках анархизма, или дать систематический анализ того, как анархистами понимались свобода, равенство и другие идеи⁸. Хотя у меня есть живой интерес к тому, как анархизм был устроен в конце XIX века, я не пыта-

---

⁷ Eric Gill, *Autobiography* (London: Jonathan Cape, 1940), с. 194.

⁸ См. Benjamin Franks, Nathan Jun and Leonard Williams (eds), *Anarchism: A Conceptual Approach* (Abington: Routledge, 2018), с. 1–12.

юсь очертить его границы подобно некоторым поздним историкам⁹. В то же время я не верю, что анархизм бесконечно проницаем и может впитывать в себя все подряд, поэтому некоторые его разновидности я намеренно игнорирую (в частности, «рыночный анархизм»¹⁰, «анархо-капитализм»¹¹ и «национал-анархизм»¹²). Тем не менее я утверждаю, что историю анархизма можно рассматривать в двух направлениях – как в обратном, так и в прямом, от его истоков, – а также с разных географических точек и под разными углами. Одно из достоинств анархизма заключается в том, что в нем нет ни единого намека на «тайное знание» – ни до, ни после подведения под него теоретических основ. Именно поэтому я убеждена, что анархизм тесно связан с целым спектром неанархических идей и практик. Гилл – лишь один из примеров тому. Чтобы подчеркнуть это, я помещаю работы неанархистов в один ряд с работами тех, кто однозначно относил себя к анархистам.

В этом исследовании анархизм представлен как история идей в поле их обсуждения, а не строго в контексте событий, как теперь принято излагать истории идей. Я показываю, как анархисты реагировали на те или иные ситуации и обстоятельства, но при этом делаю акцент на сопоставлении работ, написанных в разное время и в разных местах авторами, изучавшими вопросы образования, насилия, классов и т. д., чтобы подчеркнуть их связь с традицией, которую они развивали. В книге содержатся сведения об известных анархистах, однако, осознавая, что многие анархисты опасаются создания анархического «канона», я также рассмотрела работы менее прославленных и даже малоизвестных деятелей. Ни одного из них не следует считать полноценным представителем анархизма (понятие «представитель» анархисты обычно расценивают как проклятие). Выбор имен, скорее, обусловлен стремлением показать многослойную картину анархизма и богатство его разнообразия. Точно так же, выборочно, я привожу идеи упоминаемых здесь писателей, при этом ограничиваюсь краткой справкой, не претендующей на статус исчерпывающего или даже ознакомительного отчета о творчестве этих авторов.

Анализ анархистских групп и движений в основном касается конкретных лиц, которые в них входят или входили. В этом отношении на меня повлияла «Биографическая энциклопедия» (Biographical Encyclopedia) Владимиром Муньоса – исследование 20 выдающихся личностей¹³. Следуя его примеру, я включила в книгу короткие очерки о моих персонажах и тех, с кем они контактировали, чтобы дать представление об их жизни и указать на важные взаимосвязи между активистами. Читатель должен понять, что анархисты – не святые: на счет некоторых из них числятся неблагоприятные или сомнительные поступки. Но я надеюсь, что к концу этой книги он оценит необычайное мужество и изобретательность, проявленные поколениями анархистов в борьбе с несправедливостью, и поймет, что анархические взгляды способны заметно оживить современную политику.

---

⁹ См. особенно: Michael Schmidt and Lucien van der Walt, *Black Flame: The Revolutionary Class Politics of Anarchism and Syndicalism* (Edinburgh and Oakland: AK press, 2009), часть 1.

¹⁰ См.: Centre for a Stateless Society на сайте <https://c4ss.org/>.

¹¹ См.: Ludwig von Mises Institute на сайте <https://mises.org/>.

¹² Для обсуждения см.: Spencer Sunshine, 'Rebranding Fascism: National Anarchists' (2008) на сайте <https://libcom.org/library/rebranding-fascism-national-anarchists-spencer-sunshine>.

¹³ Muñoz, *Anarchists*.

Глава 1

Традиции

Термин «анархизм» принято объяснять этимологически, связывая суть доктрины с древнегреческим словом *anarchia*. В переводе оно буквально означает «безвластие». Этим путем часто идут и те, кто относит себя к анархистам. Этимологическое объяснение заостряет внимание на угнетении, которое, как они утверждают, влечет за собой власть, и на равноправии, за которое выступают они сами. Если монархисты признают единоначалие – власть одного, то анархисты ратуют за безначалие, или отсутствие власти как таковой. Это мощный и доступный для понимания призыв. Проблема, однако, заключается в том, что он помещает анархизм в поле власти, которая по умолчанию отрицает анархию во оправдание самое себя. Таким образом, анархия сразу определяется как состояние беспорядка. То же самое относится и к политической мысли. Здесь преобладает мнение, что люди стремятся уберечь себя от тех неудобств или насилия, которые сопровождают анархию и, поскольку у них хватает ума сделать это (как нас уверяют со всей однозначностью), они подчиняются правительству. Анархия – это такой общественный строй, которого люди стараются всеми силами избежать, ибо он подразумевает хаос, внесудебные расправы, бесчинства толпы и не может гарантировать ни мира, ни безопасности¹⁴.

С чего же в таком случае начать размышления об анархизме? Найти отправную точку, которая соответствовала бы духу данного вопроса, сложно, поскольку анархисты обычно противятся тому, чтобы их движения и принципы классифицировались. Они с подозрением относятся к попыткам определить пространственно-временные истоки анархизма и отвергают избирательные оценки, в которых особое внимание уделяется конкретным историческим фигурам. Почему это так? Потому что навешивание ярлыков выглядит как попытка обозначить границы, которые сами анархисты намеренно не устанавливают; потому что идентификация истоков вынуждает конструировать идеологическую структуру из набора фиксированных традиций, в то время как анархисты предпочитают видеть ее проницаемой и текучей; и, наконец, потому что привязка анархизма к датам и местам возникновения определенных групп представляется необоснованной и лишаящей явление его полноты. Последнее может также спровоцировать уклон в евроцентризм, который только усиливается и вызывает еще больший перекокс, когда мы начинаем подчеркивать роль отдельных личностей или ключевых текстов. В результате все сводится к тому, что изобретение анархизма становится заслугой нескольких гениев – что характерно, из числа белых людей, – которые метко сформулировали великую идею, аккуратно упаковали ее и распространили по всему миру.

Да, первый тезис, из которого я буду исходить, утверждает, что анархизм начал формироваться как отдельное движение в середине XIX века в Европе – во Франции, Германии, Италии и Испании – в период доминирования европейских государств. Однако это не значит, что он появился в готовом виде или что такая локализация закрепляет за Европой какие-то уникальные права на формулирование теории анархизма. На мой взгляд, анархизм возник в результате важнейшего взаимодействия с другими радикальными и прогрессивными движениями, а также вопреки согласованному противодействию со стороны консервативных и реакционных сил. Это обстоятельство придало анархизму особый политический колорит. Анархистов стали отличать от неанархистов по их реакции на конкретные проблемы и события. Зачастую

---

¹⁴ В частности, в «Оксфордском словаре», который является основой словаря русского языка Google, необязательные следствия фигурируют в основном определении как неотъемлемые характеристики: «Анархия – безначалие, отсутствие организованной власти, приводящее к беспорядку, хаосу (отсутствие плановой организации общественного производства, неизбежно приводящее его к кризисам и безработице)». – *Прим. ред.*

их опознавали по факту изгнания из других политических групп и по тем целенаправленным репрессиям, которые применялись к ним религиозными и государственными институтами.

Второй мой тезис заключается в том, что анархизм есть продукт критической мысли, в том числе таких его первопроходцев, как П.-Ж. Прудон, Михаил Бакунин, Луиза Мишель и Иоганн Мост, которые с гордостью называли себя анархистами. Их тексты и практические методы легли в основу идейной структуры анархизма. Некоторые из ранних комментаторов хорошо осознавали связь между принципами, изложенными анархистами, и конкретными движениями, но, даже понимая, что анархизм не является философией в общепринятом смысле, они все равно сосредоточивали свое внимание на немногочисленных ключевых фигурах. Таким образом, хотя область исследований анархизма чрезвычайно широка (нет ни ключевых положений, ни основных механизмов или мест действия, только бесчисленные примеры сопротивления, реакции и возрождения), говорить об анархических традициях все же можно. Анархизм формировался под влиянием множества историй и отдельных событий, анархичных по своей сути. Их опись и создание образа анархизма в XIX веке как его поборниками, так и оппонентами позволяет выявить фамильные сходства явления во времени и пространстве.

Анархизм и интернационал

Раскол в 1872 году Международного товарищества рабочих (МТР), известного как Первый интернационал, иногда называют переломным моментом для европейского анархистского движения. В истории социализма раскол обычно рассматривается как точка, в которой движение разделилось на два крыла – марксистское и анархистское. Это намеренное упрощение. Значимость краха Первого интернационала росла лишь по мере углубления враждебности между анархистами и марксистами, и в ретроспективе это становится особенно очевидным. Сам по себе раскол не внес ясности в определение социалистов, однако сам этот момент оказался действительно важным для последующего развития социализма. У тех, кто относил себя к анархистам, крах МТР выкристаллизовал понимание государства, которое до этого обсуждалось во многом абстрактно.

Первый интернационал был учрежден в Лондоне в 1864 году британскими и французскими профсоюзными лидерами с целью поддержать борьбу трудящихся против эксплуатации. Члены организации придерживались ряда принципов, два из которых были особенно значимы: мысль, что победа в освободительной борьбе может быть достигнута только самими трудящимися, и убежденность в том, что классовое равенство выше различий, основанных на цвете кожи, вероисповедании или национальности. В этом и заключалась приверженность интернационализму. Других факторов сплоченности в рядах МТР, кроме этих общих правил, практически не было, и на протяжении всей недолгой истории организации ее сотрясали соперничество фракций и раздоры.

Спор между Карлом Марксом и Михаилом Бакуниным, тлевший еще с конца 1860-х годов, в 1872 году вспыхнул со всей силой. Маркс был одним из ведущих деятелей Интернационала и с 1864 года входил в его Генеральный совет. Бакунин, как и Маркс, пользовался огромным авторитетом: он принимал активное участие в восстаниях 1848 года, был дважды приговорен к смертной казни в 1850 и 1851 годах, а десятью годами позже совершил побег из Сибири. В 1840-х годах он был соратником Маркса, однако с тех пор отделился от него. В 1868 году он вступил в Женевскую секцию МТР, уже будучи лидером созданной им организации – Альянса социалистической демократии. После этого Бакунин обвинил Маркса в попытке подорвать самостоятельность интегрированных в МТР органов путем ужесточения контроля со стороны исполнительной власти. Он также утверждал, что Маркс ошибается, призывая создавать политические партии как средства осуществления революций. В то время в Европе было мало возможностей для организации социалистических партий. Однако возражения Бакунина против политики Маркса носили принципиальный характер – он полагал, что участие в работе законодательных институтов, скорее всего, ослабит революционный пыл угнетенных и сделает их частью тех самых систем, которые регулируют эксплуатацию и угнетение.

Помимо разногласий в вопросах организации и стратегии, разгорелся теоретический спор о динамике исторических изменений, государстве, частной собственности и классовости. Эти понятия широко использовались в социалистических кругах, но разными людьми часто трактовались по-разному. Бакунин пытался показать, что причина их разногласий с Марксом лежит именно в этой плоскости.

Впервые Бакунин подверг Маркса критике в 1840-х годах после своей встречи с Пьером-Жозефом Прудоном – первым из авторов, применившим термин «анархист» для описания собственных политических убеждений. Прудон, в прошлом типографский рабочий, а затем журналист и писатель, вероятно наиболее известный своей книгой «Что такое собственность?»¹⁵, заявил о себе как сторонник самоорганизации рабочих в период Второй француз-

---

¹⁵ Прудон П.-Ж. Что такое собственность? – М.: Республика, 1998.

ской республики (1848–1851). Хотя обращение Бакунина к некоторым аргументам Прудона на первый взгляд должно было укрепить фундаментальное разделение на анархистов и марксистов внутри Интернационала, на деле линии обороны оказались более размытыми, чем такое разделение предполагает. Ранее Маркс высмеял экономическую концепцию Прудона и указал на различия в понимании исторических изменений. Вопреки доводам Прудона, он утверждал, что историей прежде всего движут экономические изменения. Материалистическая точка зрения Маркса заключалась в том, что инновации в производстве нарушают существующий баланс сил. Группы, получающие выгоду от внедрения новых технологий и обладающие экономической властью, будут стремиться к тому, чтобы закрепить за собой полученные выгоды, взяв в свои руки управление государственным аппаратом. Они будут бороться за политическую власть и тем самым противостоять существующим элитам, которые ранее аналогичным образом использовали деньги и богатства, чтобы принять законы в свою пользу. С точки зрения Маркса, это противостояние было революционным и представляло собой прогрессивную энергию классовой войны. Прудон тоже был революционером, однако не поддерживал идею классовой войны и отвергал то, что считал экономическим детерминизмом позиции Маркса.

Прудон утверждал, что Маркс неверно описывает характер экономической и политической власти. С его точки зрения, первая основывалась на возможности претендовать на исключительное право собственности. Это право было закреплено в законе и обеспечивалось насилием со стороны государства (полицией, вооруженными силами, судебной системой). Он подтверждал правоту Маркса относительно того, что существуют различные формы собственности, которые меняются с течением времени, однако считал, что подлинная революционная трансформация подразумевает упразднение исключительного права частной собственности и ликвидацию систем государственного управления, которые были созданы в качестве его гарантии. Как и Маркс, Прудон был материалистом, но его представления о реформе правовой системы сделали его идеалистом в глазах Маркса. Для Маркса Прудон оставался утопистом, ошибочно полагавшим, что изменить мир можно путем изменения юридической концепции собственности.

Какова была позиция Бакунина? Как ни странно, он поддержал марксистский взгляд на идеализм Прудона и объявил себя сторонником обоснованного Марксом материалистического понимания истории. Но при этом заявил, что Маркс толкует материализм слишком узко, а следовательно, не в состоянии оценить, что значит революционное преобразование. Выступая таким образом уже на стороне Прудона против Маркса, Бакунин раскритиковал его теорию, которая основное внимание уделяла институтам частной собственности и государства.

Бакунин утверждал, что Маркса в первую очередь интересовали изменения форм собственности и динамика классовой борьбы. Это была важная работа: Маркс объяснил возникновение новой промышленной буржуазии, показал, как этот класс смел старую землевладельческую аристократию и как благодаря ему же возник класс пролетариата, который должен отстаивать свои интересы посредством революционной борьбы с капиталистами. Признавая гениальное прозрение Маркса в этом отношении, Бакунин тем не менее обвинил его в том, что такой анализ чреват ограниченностью подхода. Прежде всего, Маркс не уделил должного внимания государству, и в этом Прудон был прав. Маркс слишком узко определил государство как инструмент классового господства. Согласно Марксу, утверждал Бакунин, тот, кто контролирует экономику, контролирует и политический аппарат. Хотя эта конструкция наглядно показывала тлетворное влияние буржуазии и необъективность закона, она ошибочно недооценивала независимую, деспотическую власть государства. Так, для Маркса, по мнению Бакунина, революция означала захват контроля над средствами производства, а это становилось возможным, если пролетариат возьмет в свои руки государственную машину. Маркс не осознавал, что, пока сохраняется само государство, революция будет чахнуть. Контроль над средствами производства принесет классовое равенство в том смысле, что это уничтожит экономическую мощь

буржуазии, но не устранил иерархию: рабочие по-прежнему будут подчиняться требованиям закона, а место частных владельцев капитала займет государство. С точки зрения Бакунина, Маркс объяснил процессы революционных изменений, однако его представления о классовой борьбе ограничивали понимание того, что включает в себя социалистическая трансформация.

На конгрессе интернационала в Гааге в 1872 году Маркс инициировал исключение Бакунина из его рядов. Тем самым он закрепил первичный раскол в социалистическом движении, которое, по сути, никогда и не было цельным. Непрерывающиеся споры в отношении стратегических последствий политической теории означали, что границы идеологии годами оставались зыбкими и неопределенными. Теоретические разногласия между Бакуниным и Марксом так и не были полностью разрешены, и с тех пор в социалистических движениях не утихают споры о классовых, государственных и исторических изменениях. Более того, когда социалисты принимали чью-либо сторону, например присоединялись в соответствии со своими взглядами к марксистским группам, они зачастую неожиданно обнаруживали, что разделяют позиции, объявленные там вне закона как анархистские. Аналогичным образом некоторые из тех, кто вставал на сторону Бакунина, продолжали считать себя марксистами. В 1881 году, когда прозвучал призыв организовать анархистский интернационал, часть анархистов заявляла, что это излишне, поскольку старый интернационал никуда не делся¹⁶. Тем не менее, что касается возникновения анархизма, организационный крах МТР сыграл значительную роль.

Непосредственным результатом распада МТР стала реорганизация его местных федераций. В частности, Юрская федерация сплотилась вокруг Бакунина и учредила новый интернационал, съезд которого состоялся в Сент-Имье (Швейцария) через несколько дней после Гаагского конгресса. Чтобы провести различие между собой и последователями Маркса, бакунинцы назвали свою организацию Антиавторитарным интернационалом, подчеркивая ее связь с МТР. Вскоре после этого была подтверждена и приверженность новой организации анархизму. Сооснователь Американской экономической ассоциации профессор Ричард Эли, внимательно следивший за развитием социалистических движений в Европе, первым написал, что Бакунин создал «новый интернационал... основанный на анархических принципах». Генеральный совет был заменен «Федеральным советом». Это означало, что «состав центрального органа должен меняться ежегодно». Кроме того, «каждая земля имела право вести агитацию по-своему, и каждый отдельный атом, то есть местная организация, имел право приходить и уходить, как ему заблагорассудится»¹⁷.

К 1877 году начала складываться исключительно анархистская программа. Женевская секция Юрской федерации выдвинула четыре основных пункта: упразднение государства, воздержание от участия в политической деятельности, отказ от выдвижения кандидатов из числа рабочих и пропаганда различными методами, в частности пропаганда действием¹⁸. Последний пункт, который позднее свяжут с актами насилия со стороны отдельных лиц, представлял собой обязательство собственным примером демонстрировать действие анархических принципов рабочим, в основной своей массе малообразованным. В 1881 году были созваны две крупные конференции анархистов, сначала в Лондоне, затем в Чикаго. В Европе анархисты активно работали в Бельгии, Франции, Испании, Швейцарии и Италии. Их организации также были заметны в Германии, Аргентине, на Кубе, в Египте и Мексике. В 1872 году в Монтевидео была создана уругвайская секция Бакунинского интернационала¹⁹. В Северной Америке

---

¹⁶ Tom Goyens, *Beer and Revolution: The German Anarchist Movement in New York City, 1880–1914* (Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 2007), с. 76.

¹⁷ Richard T. Ely, *French and German Socialism in Modern Times* (New York: Harper & Brothers, 1883), с. 185.

¹⁸ Association Internationale des Travailleurs, *Fédération Jurassienne, Section de Propagande de Genève, Rapport de la Section sur les diverses questions mises à l'ordre du jour du Congrès Fédéral jurassien du 5 Août 1877*, IISH Jura Federation papers.

¹⁹ Muñoz, *Anarchists*, гл. 17, с. 2.

важными центрами стали Чикаго и Нью-Йорк благодаря высокой концентрации в этих городах эмигрантов из Европы.

В 1889 году учреждение Второго интернационала официально закрепило организационный раскол социалистического движения. На первой встрече анархисты присутствовали, но приглашали их неохотно. На конгрессе Второго интернационала в 1893 году было принято предложение не допускать анархистов к будущим съездам, а в качестве революционной тактики социалистов обязали участвовать в выборных кампаниях. Решение об исключении тех, кто отказался следовать этой линии (и не принял обязательство бороться за революционные изменения строго конституционными методами), оказалось слишком грубым инструментом, чтобы отделить анархистов от отколовшихся марксистов – даже Ленин попал в анархистскую ловушку Второго интернационала. Однако такая чистка рядов усилила значение распада МТР для доктрины и ознаменовала победу политики Маркса в международном революционном социалистическом движении.

Организационный крах МТР хорошо заметен при изучении публицистики того периода. После смерти Бакунина в 1876 году появились многочисленные памфлеты, прославлявшие его как основателя подлинно революционного социализма и осуждавшие Маркса как вероломного манипулятора и последователя Макиавелли. Ряд ведущих анархистов, в частности Петр Кропоткин, впоследствии стремились подвести теорию под свое неприятие марксизма, устанавливая четкие теоретические границы между анархическим и неанархическим социализмом. В конце XIX века анархисты, говоря о марксизме, часто использовали выражение «государственный социализм». Хотя это, казалось бы, жесткое разграничение оставляло простор для возникновения путаницы, а раскол МТР словно прошел незамеченным некоторыми группами, все больше членов анархистских секций считали, что Маркс предал идею самоосвобождения, поэтому анархистам следует всячески стремиться поддерживать и защищать цели и ценности интернационала путем сохранения собственных организаций.

Парижская коммуна и Хеймаркетское дело

Будучи сторонниками антиавторитарной политики МТР, анархисты четко сформулировали свою позицию в отношении двух знаковых событий: Парижской коммуны 1871 года и Хеймаркетского дела 1886 года. Эти два эпизода сплотили анархистов в ранние годы европейского движения, всегда их даты отмечались в анархистских бюллетенях и на ежегодных собраниях.

Парижская коммуна – краткий термин для обозначения ряда событий, произошедших во Франции в конце Франко-прусской войны (1870–1871), последней из трех войн за объединение Германии, спровоцированных Отто фон Бисмарком, и приведшей к краху Второй империи Наполеона III и основанию Третьей французской республики. Коммуна была провозглашена в марте 1871 года после сокрушительного разгрома французских войск прусской армией Бисмарка, вслед за жестокой осадой Парижа в сентябре 1870 года. Поводом послужил отказ парижан подчиниться требованиям базирующегося в Версале временного правительства Республики под руководством Адольфа Тьера, которое вело переговоры с Бисмарком. В итоге этот отказ привел к жестокому подавлению вооруженного сопротивления правительством Франции. Срывая планы Тьера по разоружению города, парижские рабочие, сосредоточившись в районах Монмартр, Бельвиль и Бют-Шомон, не дали правительственным войскам конфисковать артиллерию национальной гвардии. Завладев пушками, они построили баррикады и удерживали оборону города силами левых республиканцев, прудонистов и других социалистов-революционеров. Эти отряды получили собирательное название – «коммунары». Как показал историк Джон Мэрриман, их сопротивление привело к крупнейшей европейской бойне XIX века: «кровавая неделя» падения Коммуны в конце мая 1871 года ознаменовалась гибелью почти 20 тыс. парижан. Еще тысячи были депортированы в Новую Каледонию, где в течение десяти лет им не давали амнистию.

Второе из этих ключевых для анархистов событий началось с митинга протеста на площади Хеймаркет в Чикаго 4 мая 1886 года и завершилось казнью четырех анархистов в ноябре 1887 году. Митинг на площади Хеймаркет был созван после убийства полицейскими рабочих на забастовке, организованной 3 мая на заводе механических жаток Маккормика в поддержку национального движения за восьмичасовой рабочий день. Когда полиция попыталась разогнать толпу, взорвалась бомба, в результате чего один полицейский был убит, несколько получили ранения. Полиция открыла огонь по толпе. В результате в перестрелке погибли семь офицеров. В ходе облавы полиция Чикаго схватила восьмерых анархистов: Джорджа Энгеля, Сэмюэла Филдена, Адольфа Фишера, Луиса Линга, Оскара Нибе, Альберта Парсонса, Майкла Шваба и Августа Шписа. Все они были активными членами социалистического движения Чикаго, представляя радикальные группы и профсоюзы. Их судили за подстрекательство к взрыву, но не за сам взрыв, и в итоге признали виновными по предъявленным обвинениям. Доказательства их вины, мягко говоря, были неубедительными. Обвинительный приговор строился на фальсификации фактов, некомпетентности присяжных, чудовищном пренебрежении доказательной базой и пристрастности судьи. Дело вызвало международные протесты – настолько очевидными были процессуальные нарушения. В итоге была подана апелляция, но пересмотра решения добиться не удалось, и судебную ошибку признали лишь в 1893 году. Джон Альтгельд, губернатор штата Иллинойс, отменивший первоначальный приговор, отметил, что председательствующий на процессе судья Гэри проявил «жестокость и раболепие в такой мере... которая не имела аналогов в истории»²⁰. Печально известному «судье-вешателю» Джеффрису из Англии, жившему в XVII веке, было до него далеко. Решением Альтгельда

---

²⁰ John P. Altgeld, *Reasons for Pardoning Fielden, Neebe and Schwab* (Chicago, 1893), с. 63.

Филден, Шваб и Нибе были безоговорочно помилованы и отпущены на свободу. Для Парсонса, Шписа, Энгеля и Фишера помилование пришло слишком поздно – они были уже казнены. Впрочем, как и для Линга: в ожидании казни он покончил с собой.

Что сделало эти события столь значимыми для анархистов, переживших распад МТР? Прудонисты были важной движущей силой Коммуны. Именно друг Прудона, художник Гюстав Курбе, руководил сносом Вандомской колонны – символа милитаризма, установленного в честь побед Наполеона. Ряд других выдающихся коммунаров, в том числе Луиза Мишель и Элизе Реклю, впоследствии стали ведущими фигурами анархистского движения. Это не значит, что Коммуна была исключительно делом анархистов – на баррикадах сражались представители многих революционных течений. Ситуация осложнялась и тем, что Генеральный совет МТР сделал официальное заявление, а Маркс опубликовал свою работу «Гражданская война во Франции», в результате чего Коммуну стали связывать с «красным доктором», как окрестили Маркса в британской прессе. И марксисты, и анархисты имели все основания претендовать на роль предводителей Коммуны.

Хеймаркетское дело, напротив, было событием откровенно анархистским. Причиной ареста подсудимых и сутью предъявленных им обвинений был именно факт их принадлежности к анархистам. Государственный обвинитель Джулиус Гриннелл разработал стратегию, призванную предать анархизм суду. Подсудимые дали достойный ответ. Альберт Парсонс, самый харизматичный из так называемых чикагских мучеников, в восьмичасовом обращении к суду доказывал, что они арестованы за убеждения, а не за совершенные деяния. Его соответчики также выступили с пламенными речами, в которых объясняли и защищали анархизм, а не просто настаивали на своей невиновности. Чтобы развеять любые сомнения в твердости своей позиции, уже стоя на эшафоте, за секунду до того, как открылся люк, Энгель крикнул: «Да здравствует анархия!» Последние слова Энгеля и трех других казненных были широко растиражированы в анархистских журналах.

Эти события накрепко связаны между собой ужасающей жестокостью и очевидной несправедливостью действий властей. В ответ на насилие, которое вызвали Парижская коммуна и Хеймаркетский бунт, анархисты заявили, что теперь границы европейского республиканизма и либерализма продемонстрированы наглядно. Тем, кто относил себя к зарождающемуся движению анархистов, эти два события обнажили преемственность между существующими режимами и тираниями абсолютных монархий, с которыми, как считалось, великие революции XVII и XVIII веков в Великобритании, Америке и Франции покончили навсегда. В этих, казалось бы, достойных и просвещенных государствах классовая война велась так же ожесточенно, как и в условиях самодержавных режимов, к которым и республиканцы, и либералы относились с презрением. Франция и Америка – это не Россия, которую почти все считали «изгоем европейской семьи». Однако при этом и Париж, и Хеймаркет продемонстрировали, что достижения государства в вопросах толерантности – фальшивые. Анархистская критика, основанная на примерах Коммуны и Хеймаркетского дела, заключалась в том, что прогрессивные республики узаконили системы государственного угнетения, столь же несправедливые и предвзятые, как и всё, что существовало до них. Как сказала Луиза Мишель по возвращении из Новой Каледонии, «социальная революция задушена. Французские правители лицемерно назвались республиканцами, но на деле предали нашу мечту своим "оппортунизмом"»²¹.

В Питтсбургском манифесте – хартии американского революционного движения, составленной Иоганном Мостом в 1883 году, – для поддержки доводов анархистов против буржуазной тирании использованы формулировки Декларации независимости США «как напоми-

---

²¹ Louise Michel, 'Speeches and Journalism, November 1880–January 1882', in *The Red Virgin: Memoirs of Louise Michel*, ed. and trans. Bullitt Lowry and Elizabeth Ellington Gunter (Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1981), c. 123.

вание не только о праве, но и об обязанности свержения деспотического правительства»²². Хеймаркет усилил жестокость законной власти. В первую годовщину казней лондонская анархистская газета *Freedom* сравнила судебный процесс по делу анархистов Хеймаркета с судом над Эджерноном Сидни, английским республиканским политиком, обвиненным в 1683 году в измене Карлу II. Обвинение в «предполагаемом заговоре», как утверждала передовица, было вызвано возрождением в лоне «американской демократии» «опасного инструмента – деспотизма» и возвращением к «худшим дням абсолютной монархии»²³. Шансов, что простые люди добьются свободы и равенства при этих фальшивых эгалитарных режимах, было не больше, чем их существовало в монархиях, которым они пришли на смену. «Во Франции не осталось иллюзий относительно государственной власти», – отметил Кропоткин 1893 году в своей речи, посвященной Парижской коммуне²⁴.

---

²² Goyens, *Beer and Revolution*, с. 107.

²³ 'The Chicago Anniversary', *Freedom*, декабрь 1888.

²⁴ Peter Kropotkin, 'The Commune of Paris Address', *Freedom*, апрель 1893 г.

Критика анархистами государства

Парижская коммуна и Хеймаркетское дело стали столь значимыми по двум причинам. Во-первых, Коммуна сделала предметной критику государства, в которой абстрактно упражнялся Бакунин, споря с Марксом. Во-вторых, яростная реакция правительства на анархизм помогла убедить анархистов в том, что сама власть является насилием. Оба эти события – Парижская коммуна и Хеймаркетское дело – очень четко отделили представления о государстве от моделей негосударственных анархических альтернатив.

В работе «Парижская коммуна и понятие о государственности» Бакунин подверг беспощадной критике марксистский социализм. В качестве аргумента он выдвинул тот факт, что Парижская коммуна была выражением антиавторитаризма, против которого выступали подконтрольные Марксу авторитарные секции МТР и который намеревались подавить войска Бисмарка. В Париже антагонистические противоречия политики МТР и сокрушившие Коммуну реакционные силы слились воедино. Анализируя последствия для социалистического движения, Бакунин писал, что долгосрочным результатом гражданской войны во Франции стало установление границы между «научным коммунизмом», разработанным Марксом, и «немецкой школой», с одной стороны, и революционным социализмом «латинских стран»²⁵ – с другой²⁶. Для Бакунина авторитарный социализм был разновидностью революционного республиканизма. В работе «Гражданская война во Франции», представляющей собой размышления Маркса о Парижской коммуне, и в официальном заявлении Генерального совета МТР утверждалось, что «рабочий класс не может просто завладеть готовой государственной машиной и использовать ее для своих целей»²⁷. Сомневаясь в искренности Маркса, Бакунин настаивал, что тот до сих пор воображает, будто революция требует от представителей пролетариата вершить власть от имени эксплуатируемых и применять государственное насилие для отстаивания классовых интересов. Такая модель предполагала отождествление целей рабочих и тех, кто их представляет во власти, что было в принципе невозможным и вызывало тревогу. В любом случае Маркс воспроизводил существующие формы правления, хотя и с учетом предпочтений социальной группы эксплуатируемых, поднимающей свой голос.

В своей статье о Бакунине, опубликованной в 1905 году, Петр Кропоткин поддерживал его аргументацию. Бакунин очень точно распознал тот факт, что триумф «военного государства Бисмарка» в 1871 году был «в то же время» и триумфом «немецкого государственного социализма»²⁸. Так же как и Бакунин, связывая Парижскую коммуну с «латинскими» секциями МТР, а ее поражение – с немецким этатизмом, Кропоткин утверждал, что политика Маркса по завоеванию государства соответствует стратегии объединения Бисмарка, и пришел к выводу, что авторитарный социализм является выражением германского империализма.

Эта провокационная критика этатизма уже начала просачиваться в анархистские движения, когда политизация судебного процесса по Хеймаркетскому делу дала обвиняемым повод выступить с новой антигосударственной критикой. При этом чикагские анархисты, используя популярные заблуждения об анархии, перевернули традиционную политику с ног на голову, чтобы привлечь внимание к искаженной сущности принятых в обществе норм. Один за другим ответчики утверждали, что неприятие судом анархии во имя сохранения цивилизации обусловлено безоговорочным принятием правил, выгодных буржуазии. Луис Линг пояснял:

²⁵ Под «латинскими странами» имеются в виду народы, говорящие на романских языках. – *Прим. ред.*

²⁶ Бакунин М.А. Парижская коммуна и понятие о государственности. – Женева: Новая русская типография, 1892. – С. 2.

²⁷ Маркс. К. Гражданская война во Франции // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 17. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 884 с. <http://nlr.ru/domplekhanova/dep/artupload/dp/article/71/NA321.pdf> [последнее обращение 24 марта 2021 г.].

²⁸ Кропоткин П.А., рукопись статьи «Бакунин», опубликованная в журнале Freedom, 1905, IISH, Nettlau Collection, 2672.

«Анархия означает отсутствие господства или власти одного человека над другим, а вы называете это "беспорядком". Систему, которая не отстаивает "порядок", требующий для своей защиты услуг от жуликов и воров, вы называете "беспорядком"»²⁹.

Буржуазия получала многочисленные выгоды, главные из которых – статус, богатство и праздная жизнь. Как и многие анархисты, Альберт Парсонс считал, что эти преимущества объясняются возможностью извлекать прибавочную стоимость, которую создают рабочие. Землевладельцы и хозяева средств производства могли рассчитывать с рабочими повременной оплатой, а дополнительную стоимость товаров и услуг, которые те по факту производят, присваивать себе. Парсонс также утверждал, что эта власть опирается на систему имущественных отношений, основанную на праве частной собственности. Такой аргумент приводил и Прудон. Рассматривая различие между исключительным правом частной собственности (собственности во владении) и временным правом на обладание (собственности в пользовании), Прудон утверждал, что первое неизбежно влечет за собой принадлежность собственности тем, кто раньше всех заявил о своих правах на нее, и их бенефициарам. Для всех остальных эта принадлежность становилась «невозможной». В то же время, поскольку временное владение не подразумевает исключительного права, собственность остается открытой для всех. Существующий режим несправедлив в принципе и опасен. Отвечая на обвинение в подстрекательстве, Сэмюэл Филден изложил свое видение теории Прудона:

«Я сказал, что вы должны упразднить систему частной собственности. Мистер Инглиш³⁰ заявил, что я произнес [обращаясь к суду] следующее: "Она не знает пощады. Так же, как и вы". Очевидно, что после слов "она не знает пощады" я сказал нечто другое. Я сказал: "И вам не пристало ее щадить". Кто-нибудь сомневается в том, что система беспощадна? Разве она не следует своим собственным путем, невзирая на тех, кому причиняет боль, ради тех, кому приносит пользу? Частная собственность, на мой взгляд, будучи системой, служащей интересам немногих и способной служить лишь этим интересам, не знает жалости. Она не может остановиться и уделить внимание таким мелочам. Не может, и это для нее естественно. Так что и вам не следует жалеть систему частной собственности»³¹.

Отбиваясь от обвинений в антисоциальном поведении, анархисты охарактеризовали отношения, созданные частной собственностью, как тиранические и порабощающие. На фоне отмены рабства в США в 1865–1866 годах и отмены крепостного права, в результате чего в 1861 году в России было освобождено около 20 млн «душ», это утверждение вызвало полемику. Анархистская точка зрения заключалась в том, что эти формальные освободительные акты оставили нетронутыми суть самих отношений господина и раба. Обращение к теме рабства было необходимо не для того, чтобы показать равнозначность использования рабского труда и эксплуатации наемных рабочих с моральной точки зрения, а для того, чтобы привлечь внимание к законодательным рамкам, позволяющим процветать обеим формам господства. Когда Харриет Джейкобс, освобожденная чернокожая женщина из свободных штатов, где рабство было запрещено, обнаружила, что деньги не являются ключом к дверям вагонов первого класса на железной дороге Филадельфия – Нью-Йорк, она сравнила институциональную сегрегацию Севера со свободой Юга, приведя в пример возможность «ездить в грязном общем

---

²⁹ Заявления обвиняемых по Хеймаркетскому делу: речь Луиса Линга, <https://www.marxists.org/subject/mayday/articles/speeches.html#LINGG>.

³⁰ Г.П. Инглиш – репортер Chicago Tribune, получивший указание сообщать только о самых провокационных заявлениях собравшихся на Хеймаркетском митинге. См.: Paul Avrich, *The Haymarket Tragedy* (Princeton: Princeton University Press, 1984), с. 203.

³¹ Заявления обвиняемых по Хеймаркетскому делу: речь Самуэля Филдена, <https://www.marxists.org/subject/mayday/articles/speeches.html#FIELDEN>.

вагоне, в хвосте поезда» без необходимости платить за эту привилегию. С грустью осознав, что «Север подражает традициям рабства»³², она констатировала, что расизм в Америке распространен повсеместно. Отмена законов, ранее позволявших хозяевам владеть рабами, изменила условия рабства, но не положила ему конец. Рабы были освобождены, но не стали свободными. Их наделили правами, но продолжали угнетать и эксплуатировать.

Точно так же анархисты утверждали, что хотя абсолютизм и уничтожен, но господство и тирания никуда не делись. Именно рабство и господство определяли культуру общественных отношений нового мира, и в глазах анархистов она удивительным образом напоминала культуру, преобладавшую в мире старом. Заявив, что «отмена крепостного права есть установление системы наемного труда», Парсонс в своей защите цитирует Шекспира:

«У Шекспира Шейлок, стоя перед венецианским судом, говорит: "Вы взяли уж и жизнь, когда вы взяли те средства, на которые я жил"³³. Теперь эти средства монополизированы; средства, необходимые для существования всех, присвоены горсткой людей. Земля, орудия производства, средства связи и жизненные ресурсы теперь стали частной собственностью, и их владельцы взыскивают дань с неимущих».

Энтузиазм, с которым бывшие рабовладельцы встретили отмену рабства, дополнительно убеждает Парсонса в правоте такой оценки:

«В системе наемного рабства наемный раб сам выбирает себе господина. Раньше господин выбирал раба; сегодня раб выбирает господина... Он вынужден его искать... Изменение системы производства... затрагивающее вопросы рабства на Юге и так называемой эксплуатации "вольных рабочих" и их заработков... дало бесспорные преимущества бывшим рабовладельцам, которые ни за что бы не променяли новую систему наемного труда на систему труда рабского, поскольку при новых условиях умершим приходилось самим себя хоронить, заболевшим – самим заниматься своим здоровьем, и не было нужды нанимать надсмотрщиков, приглядывающих за ними. Теперь им дают задание – определенный объем работы – и говорят: «Выполни эту работу в такой-то срок, в противном случае... когда в субботу явишься за зарплатой, в конверте вместо денег найдешь уведомление о том, что ты уволен». Теперь... пропитанный рассолом кожаный хлыст, предназначенный для невольника, заменен плетью голода, пустого желудка и сорванной спины наемного раба из числа свободнорожденных американских граждан...»³⁴

Анализ Парсонса вскрывает вторую грань буржуазной бесцеремонности: силу, необходимую для поддержания неравных отношений, порожденных частной собственностью. Защита прав собственников требовала наличия армии полицейских и установления сложных судебной и пенитенциарной систем. Трудящиеся не только подвергались эксплуатации в качестве рабочей силы, но и были вынуждены уступать часть своей зарплаты в виде налогов, идущих на содержание учреждений, гарантирующих права буржуазии, то есть выкладывать деньги на собственное угнетение или, как в случае Парсонса, на собственное убийство. Если этих мер было недостаточно, владельцы могли нанимать частные охранные фирмы для реализации своих прав. «Эту частную армию контролируют те, кто угнетает бедных, кто мизерными зарплатами

---

³² Harriet Jacobs, *Incidents in the Life of a Slave Girl*, ed. L. Maria Child, in *Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave and Incidents in the Life of a Slave Girl*, Introduction by Kwame Anthony Appiah (New York: The Modern Library, 2000), с. 306.

³³ Цит. по: Шекспир У. Венецианский купец (пер. Н. Шепелева).

³⁴ Заявления обвиняемых по Хеймаркетскому делу: речь Альберта Парсонса, <https://www.marxists.org/subject/mayday/articles/speeches.html#PARSONS>.

обрекает людей на голод», – утверждал Парсонс, имея в виду вооруженных служащих агентства Пинкертона, которых Маккормик нанял для разгона профсоюзных пикетов перед митингом на площади Хеймаркет. Насилие было неотъемлемой частью буржуазного уклада, в какой бы форме оно ни проявлялось. Вот еще слова из речи Парсонса: «Изначально земля и ее ресурсы принадлежали всем людям. Затем случились перемены, вызванные насилием, грабежами и массовыми убийствами, называемыми войной»³⁵.

Возвращаясь к теме Линга, Парсонс завершает свое обращение к присяжным следующим вопросом: какое из двух определений анархии поддерживает буржуазия? Дело в том, что американский толковый словарь Уэбстера давал два определения анархии: «без властителей и правителей» и «беспорядок и неразбериха». Парсонс ошибочно полагал, что конституция поддерживает первое. Ценой своей жизни он выяснил, что на деле она защищает второе. Проводя между ними различие, он назвал эту варварскую анархию, ставшую очевидностью «в любой части света, и особенно здесь, в этом зале суда», «капиталистической анархией». Такая анархия была несовместима с гражданской свободой, «которая подразумевает отсутствие правителей», или с «коммунистической анархией».

После Парижской коммуны и суда по Хеймаркетскому делу между анархистами и их оппонентами развернулся спор вокруг этих двух концепций анархии.

---

³⁵ Заявления обвиняемых по Хеймаркетскому делу: речь Альберта Парсонса, <https://www.marxists.org/subject/mayday/articles/speeches.html#PARSONS>.

Анархический социализм

В период между Парижской коммуной и Хеймаркетским бунтом анархизм возник как доктрина, связанная со специфической критикой государства и капитализма, и как модель революционных изменений, определяемых особенностями самой концепции анархии. Парижскую коммуну анархисты считали прототипом революционной организации, рассматривая ее как спонтанное действие угнетенного народа с целью противостоять буржуазной эксплуатации и притеснениям со стороны правительства. Коммуна выражала антиавторитарный порыв, который анархисты связывали с самоосвобождением и с той моделью децентрализованной федерации, которую Маркс откровенно отвергал.

Судебный процесс по Хеймаркетскому делу разъяснил мировоззрение, лежавшее в основе этого антиавторитарного порыва. Хеймаркетские анархисты наглядно показали преемственность между монархическим и республиканским режимами и, что немаловажно, обозначили свой анализ как анархический, воспользовавшись драматизмом момента для придания своим идеям силы. Свое знаменитое сочинение «Что такое собственность?» Прудон начинает с описания рабства как убийства, а имущества – как кражи. Критический анализ Хеймаркетского дела представил этот аргумент новой аудитории, ознакомив ее с дискурсом, который впоследствии часто использовался анархистами. В 1942 году, спустя более полувека после смерти Парсонса, активист-антимилитарист Фредерик Лор назвал нищету «результатом эксплуатации», добавив, что «эксплуатация в принципе невозможна, если нет порабощения». А поскольку рабство было «неотъемлемым спутником власти», Лор, находившийся по другую сторону Атлантики, сделал вывод, что «власть есть *организованное рабство*»³⁶.

В Америке анархисты также связывали с патриархальными имущественными правами и брачными контрактами угнетение женщин, зачастую опираясь на труды ведущих аболиционистов, таких как Эзра Хейвуд. В своей работе «Антигражданская свобода» (Uncivil Liberty), впервые опубликованной в 1870 году, Хейвуд утверждал, что «старый лозунг всех тиранов "Король не может ошибаться"» подтверждается действиями большинства мужчин, которые считали женщин не более чем своими придатками. Из всех женщин только проститутки имели права на своих детей, а «любой женатый отец [мог] распоряжаться ребенком, как ему заблагорассудится»³⁷. Люси Парсонс, активистка анархистского движения из Чикаго, супруга Альберта и ярая защитница казненных анархистов, называла женщин «рабынями рабов», которые подвергаются не только более безжалостной, но и более изощренной эксплуатации, чем мужчины³⁸.

Схожие идеи присутствуют и в разработанной Парсонсом концепции государственного насилия и войны. Она касалась как права на сопротивление тирании, в котором было отказано чикагским рабочим, так и войны, которая, по мнению анархистов, велась внутри Соединенных Штатов и государств всего мира. В этом вопросе опыт Хеймаркетского бунта был тождествен опыту Парижской коммуны. Насилие применялось против рабочих, которые сопротивлялись эксплуатации, и использовалось для поддержания дисциплины среди тех, кого колонизировали европейцы. «Цивилизаторская миссия» европейцев бесспорно открыла буржуазии неограниченные возможности в утверждении своих прав, и коммунары это понимали. Луиза Мишель, высланная за участие в Парижской коммуне в Новую Каледонию, училась у меланезийских канаков, с которыми познакомилась во время ссылки. Их восстание против французов в

---

³⁶ Frederick Lohr, *Anarchism: A Philosophy of Freedom* (London: Frederick Lohr, без даты [1941/42]), с. 46.

³⁷ Ezra H. Heywood, *Uncivil Liberty* (Colorado Springs: Ralph Myles, 1978), с. 9–10.

³⁸ Lucy Parsons, 'Speech to the Industrial Workers of the World, 1905', http://flag.blackened.net/lpp/writings/speech_to_iww.html.

1878 году основывалось на том же стремлении к свободе, которого она искала в Коммуне. Размышляя о европейском шовинизме, она задалась вопросом, какая группа в принципе могла бы претендовать на превосходство, и пришла к выводу, что это точно не «хорошо вооруженные белые, уничтожающие тех, кто вооружен похуже»³⁹.

Выступая с речью о состоянии американской политики в день поминовения чикагских мучеников в 1891 году, Кропоткин соединил модель Коммуны с приверженностью хеймаркетских анархистов классовой борьбе:

«Каждый год истории американского профсоюзного движения подтверждает правоту наших братьев. Каждая забастовка превращается в войну трудового народа. В каждой забастовке есть убитые рабочие... С каждым годом в великой республике обострялся конфликт между трудом и капиталом... Во время последней большой забастовки железнодорожников всерьез обсуждался вопрос о том, не целесообразно ли будет призвать все 200 тыс. бастующих и отправить армию мятежных рабочих в один из западных штатов (например, в Орегон), чтобы провозгласить там национализацию земли и железных дорог и основать огромную коммуну на всей территории штата. Не в одном городе, как это было в Париже, а на всей территории, со всеми ее сельскохозяйственными и промышленными ресурсами»⁴⁰.

Анархистская политика, формированию которой содействовали Париж и Хеймаркет, все еще оставалась неоднородной. Анархисты понимали возможности организации коммуны, а также формы и последствия критики капитализма и государства по-разному. Идеологические границы анархизма также оставались довольно изменчивыми, даже в отношении марксизма. В анализе революционного социалистического движения, проведенном Бакуниным и Кропоткиным после событий Парижской коммуны, марксизм трактовался как форма этатизма. Однако не все анархисты были одинаково враждебно настроены по отношению к марксизму, а некоторые даже пытались творчески с ним взаимодействовать. Если Маркс и Бакунин стояли на противоположных концах революционного социалистического спектра, то многие анархисты пытались занять позицию между ними. Хеймаркетский бунт породил либертарное социалистическое движение⁴¹ – даже сегодня его называют хеймаркетским синтезом или чикагской концепцией. Оно основывалось на прямых сплоченных действиях местного уровня и было связано как с профсоюзными организациями, так и с сопротивлением коренных народов в сельских районах⁴². Приоритет, отдаваемый при этом организационной деятельности, снижал значимость теоретических разногласий между лидерами социалистического движения и служил антидотом против губительных споров, приведших к краху МТР.

Более того, Коммуна и Хеймаркетское дело привнесли в зарождающееся анархистское движение ритуалы, которые легли в основу групповой идентичности. В течение многих лет после этих событий анархистские группы организовывали ежегодные памятные мероприятия по всему миру. Например, Владимир Муњос сообщает, что первая «живописная цветная иллюстрация» появилась в уругвайской газете *El Derecho a la Vida* на центральном развороте мартовского номера, посвященного как раз 30-летию Парижской Коммуны⁴³. Хеймаркет-

---

³⁹ Louise Michel, 'The Kanaks were seeking the same liberty we had sought in the Commune', in Nic Maclellan (ed.), Louise Michel (Melbourne and New York: Ocean Books, 2004), с. 96.

⁴⁰ Peter Kropotkin, 'Chicago Martyrs Commemoration', Freedom, декабрь 1896 г.

⁴¹ Термин «либертарный» стал широко использоваться во Франции в 1890-х гг. с конкретной целью: уйти из-под действия законов, принятых против анархистов, и избежать негативных ассоциаций со словом «анархия». – Прим. ред.

⁴² Staughton Lynd and Andrej Grubacic, *Wobblies and Zapatistas: Conversations on Anarchism, Marxism and Radical History* (Oakland: PM Press, 2008), с. 12–15.

⁴³ Muњoz, *Anarchists*, гл. 17, с. 9.

ские события добавили убедительности героическому образу анархистов. Опубликованное в Париже в 1892 году душераздирающее описание казни подчеркивало непоколебимую самоотверженность и бесстрашие осужденных. Сообщив, что женам было отказано в разрешении «поцеловать мужей в последний раз», автор пишет:

«Фишер запел "Марсельезу", а из соседних камер перед тем, как пойти на смерть, ее подхватили его товарищи по несчастью.

В 11:55 за ними пришли... Продлевать их страдания более было уже невозможно. Ах, какую радость испытали бы допущенные на казнь, услышав от кого-нибудь из приговоренных просьбу о пощаде!

Но наши братья не доставили этим негодьям такого удовольствия и молча взойшли на эшафот...

Парсонс начал речь... но капюшон и затянутая на шее петля мешали ему говорить.

Шпис громко произнес: "Товарищи, наши голоса после смерти зазвучат громче, чем они звучали при нашей жизни!"

"Да здравствует анархия!" – крикнул Энгель.

"Это счастливейший момент моей жизни!" – воскликнул Фишер...

Секундой позже люк эшафота открылся, и четыре друга одновременно провалились в пустоту. У Парсонса мгновенно сломалась шея – он застыл без движений. Энгель, Фишер и Шпис какое-то время бились в конвульсиях. Смотреть на это было невыносимо»⁴⁴.

В телеграммах, зачитанных в том же году на митинге памяти у Холборнской ратуши в Лондоне, звучали уже знакомые ноты. Вот послание из Лидса: «Йоркширские анархисты шлют привет товарищам, собравшимся почтить память о событиях в Чикаго. Слава анархии!» Приветствие от товарищей из Ливерпуля звучало так: «Люди умирают, но принципы живут. Ура социальной революции, да здравствует анархия!» Еще одно «ура» донеслось из Манчестера: «Наши товарищи умерли, чтобы жила анархия, их дух приведет нас к победе». Анархисты из Глазго присоединились к «поминовению смерти наших мучеников. Хотя враг и одолел их, но сегодня они празднуют победу. Да здравствует анархия!». Из Инвернесса: «Север пробуждается. Во имя свободы они жили, во имя свободы умерли. Наш черед сражаться». Из Эдинбурга: «Да будет слышен глас народа!»⁴⁵

---

⁴⁴ Le Procès des Anarchistes de Chicago (Paris: La Révolte, 1892), с. 30–31.

⁴⁵ Телеграммы, полученные по случаю митинга памяти чикагских мучеников, 11 ноября 1892 г., Холборнская ратуша, Presburg Papers, IISH.

Откровенный страх буржуазии: анархист – это террорист

Пока анархисты формулировали теоретические принципы и формировали свою идентичность, распространение получил крайне негативный образ анархиста как наиболее решительно настроенного врага государства. Действительно, последствия Парижской коммуны и Хеймаркетского дела, проявившиеся вскоре после разделения социалистического движения на два обособленных крыла – одно из которых было более открытым для участия в обычной политической жизни, – оказались для анархистов судьбоносными.

В Париже границы допустимого в политике определила приверженность республиканским ценностям; она же легитимизировала быстрое устранение несогласных. Джон Мерриман описывает, как демонизация участников Парижской коммуны, их представление в роли ленивого грязного сброда помогли ускорить расправы во время «кровавой недели». Проявляя одновременно расизм и шовинизм доминирующей культуры, расправлявшиеся с коммунарами военные зачастую ставили их в один ряд с колонизированными народами, которых и вовсе не считали за людей. По словам Мерримана, он слышал, как из лагеря противников Коммуны «доносилась песенка о том, что Париж оказался "во власти негров"». Гастон Галифе, полковник, заслуживший прозвище «убийца Коммуны», «сравнивал коммунаров с североафриканскими арабами», дабы намекнуть на их жестокость и подчеркнуть их ужасающее безбожие и космополитизм: относясь к одному с коммунарами «варварскому подвиду», арабы, по крайней мере, были верующими и патриотами⁴⁶.

В Чикаго криминализация анархизма сочеталась с очернением бедноты. В прессе, дешевой массовой литературе и политических памфлетах начали широко циркулировать рассуждения об «анархистском чудовище» и его опасности. Майкл Шаак, шеф полиции, возглавивший расследование по Хеймаркетскому делу, воспользовался приобретенным в Чикаго опытом и опубликовал международную историю «красного террора». В лондонском Ист-Энде, одном из беднейших районов города, он отыскал «толпу подвыпивших, храбрых во хмелю, опустившихся, грязных, омерзительных забулдыг из Уайтчепела, которые орали и дрались в тесном подвале где-то на задах своего округа». Это и были анархисты. В «нестерпимом от множества смердящих трубок и тысячи других причин чаду» Шаак наткнулся на еще одну группу анархистов, «на четверть состоящую из пьяных и потных уайтчепелских женщин»⁴⁷.

Чезаре Ломброзо, один из ведущих криминологов того времени, использовал чикагских анархистов для разработки типологии преступников низкого происхождения. Скрестив дарвиновские идеи о приспособляемости видов с социальными науками, Ломброзо впервые применил физиогномику – изучение черт лица – для анализа дегенеративных моделей поведения. Отметив у Парсонса и Нибе отдельные указывающие на благородство и гениальность черты, он тем не менее пришел к выводу, что у всех обвиняемых были одни и те же наследуемые «вырожденческие признаки, присущие преступникам и безумцам». В своих письмах из тюремной камеры Майкл Шваб поставил под сомнение надежность методов Ломброзо, обвинив его в том, что для постановки диагноза тот использовал рисованные портреты из книги Шаака, а не фотографии, как того требовала объективность. Ломброзо был вынужден признать, что фотоматериалы не отображали контрольных «дегенеративных» черт и, следовательно, не подтверждали его выводов⁴⁸. Но какими бы шаткими ни были его методы, Ломброзо сумел уловить

---

⁴⁶ John Merriman, *Massacre: The Life and Death of the Paris Commune of 1871* (New Haven and London: Yale University Press, 2014), с. 207.

⁴⁷ Michael J. Schaack, *Anarchy and Anarchists: A History of the Red Terror and the Social Revolution in America and Europe* (Chicago: F. J. Schulte & Company, 1889), с. 682–683.

⁴⁸ Cesare Lombroso, 'Illustrative Studies in Criminal Anthropology III: The Physiognomy of the Anarchists', *Monist*, 1 (3), 1891, с. 336–43; Michael Schwab, 'A Convicted Anarchist's Reply to Professor Lombroso', *Monist* 1 (4), 1891, с. 520–24.

общественные настроения, и протест Шваба был проигнорирован. Распространенное мнение заключалось в том, что анархисты – психически неполноценный тип людей, представляющий угрозу благополучию и процветанию общества. В более широком смысле это означало, что анархизм является политической и социальной болезнью, требующей немедленного лечения. В 1886 году, после оглашения приговора по Хеймаркетскому делу, британский консул в Чикаго поведдал министру иностранных дел в Лондоне, какое облегчение и счастье испытали местные жители: «Вердикт присяжных вызвал огромное удовлетворение и в районе, и во всем городе... Вопрос рассматривался как в высшей степени серьезный, затрагивающий интересы безопасности государства и причиняющий немало беспокойства»⁴⁹.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, наиболее остро угроза анархизма ощущалась в европейских автократиях. Как правило, интенсивность репрессий против социалистов коррелировала с показателем живучести феодальных систем землевладения: наименьших результатов революционеры достигли в Испании, Германии и России, а наибольших – в Англии, Франции и Швейцарии. Также международная кампания по объявлению анархизма вне закона наиболее усиленно велась в имперских державах – Австро-Венгрии, Германии и России. Однако сама неприязнь по отношению к анархизму была практически одинаковой повсеместно. Международная напряженность, вызванная готовностью английского, французского и швейцарского режимов терпимо относиться к анархистам как к политическим беженцам, была вызвана в равной степени как европейскими политическими играми, так и верностью либеральным принципам. События XIX века делали это все более очевидным. Со временем либеральные режимы стали проявлять нетерпимость к анархистам, ужесточая правила предоставления убежища и все неохотнее присваивая политический статус тем, кто сопротивлялся экстрадиции. Либеральные режимы чувствовали себя гораздо менее уязвимыми по отношению к революционному давлению, чем автократии, однако реакция на Парижскую коммуну и Хеймаркетский бунт показала, насколько жестоким и агрессивным было отношение к анархистам. И подобное происходило всякий раз, когда анархистам удавалось организовать. Пытки активистов, заключенных в Монжуикскую крепость в Барселоне в 1892 году, расстрел просветителя Франсиско Феррера в 1909 году, казнь в 1911 году 12 японских анархистов за упоминание в разговорах самой возможности причинения вреда императору, казни Джо Хилла в 1915 году и Сакко и Ванцетти в 1927 году по сфабрикованным обвинениям в убийствах – вот лишь некоторые из наиболее известных примеров, когда репрессии использовались для подавления анархистской оппозиции.

---

⁴⁹ J. Hayes-Sadler to the Earl of Iddesleigh, 23 августа 1886 г., in Ruth Kinna (ed.), *Early Writings on Terrorism* (London: Routledge, 2006), т. 1.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.